

История не должна испаряться

Сразу признаюсь — более всего в картине Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли» меня поразили пафос автора. Вроде бы нет ничего удивительного в том, что Говорухин, борец, яростный обличитель, в который раз обращается к нам — соотечественникам, которых лишили Отечества, К гражданам, у которых начисто отняли истинно гражданские права. К россиянам, не ведающим истории своей, тоже у них отобранной. Ведь и прежде режиссер говорил с нами, отвергая тот образ Родины, который долгие годы закладывали в наше сознание. Образ, с просеянной до мизера информацией, с изложением фактов, угодных официозу и амбициям очередных верховных правителей. Всякий раз мы дивились мощной энергии Говорухина, стремящегося установить свои собственные отношения с прошлым, отрицая государственное вранье прошлой и нынешней закваски.

Сегодня, когда иссякает вера и уходит терпение, Говорухин и в этом от многих счастливо отличается. Он не принимает бессилие, бездеятельности, он не молчит при мысли о тотальном распаде, зная, что бессилие и бездеятельность убивают жизнь.

К его фильмам относятся по-разному. Это закономерно — слишком определена, жестка, беспощадна его позиция, чтобы была она единодушно принята. Но, наверное, не сыщется среди зрителей того, кто откажет Станиславу Говорухину в цельности, яростном и мужественном темпераменте, абсолютной независимости суждений. Она-то и дает режиссеру возможность ве-

сти в документальных лентах такой раскованный и свободный монолог, так непосредственно общаться с залом: только внутренняя цельность и независимость могут по-настоящему подкрепить свободу.

Он не боится быть пристрастным и сам декларирует свою пристрастность. Вернее, он просто не может быть иным, такова его природа. Все, что запечатлено в картинах «Так жить нельзя!» и «Россия, которую мы потеряли», рождено его органичным личностным переживанием. Его открытой, непреходящей ненавистью к нашей общественной мифологии, лишенной подлинного историзма. «Это чудесное испарение истории, — писал французский ученый Ролан Барт, — есть одна из форм концепта «безответственности человека». А Говорухин как раз и требует прежде всего ответственности от каждого за свою несчастную землю и за ее самых обездоленных жителей.

Истинно, срывая голос, он взывал в предыдущем фильме: «Так жить нельзя!» Новая картина интонационно более сдержанна, строже по форме. К счастью, автор не абсолютизировал найденное им раньше. Он верно ощутил, что новая работа, обращенная в историю, должна быть решена в другой форме. И манера общения должна быть рассчитана на десятки миллионов — для них снят этот фильм. Говорухин не убоился даже некоторого менторства, оно уместно в этом случае: на экране рассказ о той России, которую очень многие не знают. О России начала века, щедрой, набирающей силу и вес в миро-

вом сообществе. О перспективах великой страны, тогда ясных и оптимистических, для чего были реальные основания в экономике, демографии, культуре. В картине приведено немало цифр, вот одна из них: заработок рабочего доходил до ста рублей в месяц, фунт масла стоил сорок пять копеек, то бишь один рубль двадцать копеек килограмм... Таково было соотношение заработка и ценовой системы у «нищего пролетариата». Как тут не вспомнить школьные прописи, которые нам изо дня в день вбивали в голову, стелая о голодной стране, которую спасла «Великая Октябрьская...».

Но как бы не качнуться от одного мифа к другому...

Говорухин о той России рассказывает с откровенной нежностью. Быть может, его взгляд в какой-то мере утопичен, но причина тому не просто ностальгия, а горестное осознание сегодняшнего страшного разора, упадка. Является в фильме определенный крен: прошлое возникает окутанным идиллическим флером. И этого Говорухин не скрывает — уклончивость не в его правилах. Он таков, каков есть. Некоторая благость и флер нужны ему, чтобы контрастнее оттенить необратимые, кажется, потери.

Однако возникает естественный вопрос: коль скоро так прекрасно жилось людям в старой России, что же привело страну к революции, погубившей державу? Говорухин не просто разматывает нить в глубь времени. Он и перекидывает мосты в сегодняшний день. Он ищет связующие нити. Сам по себе рассказ о прошлом, даже самый

увлекательный, не мог бы так потрясти нас, не внес бы в картину силу, которая ощутима почти в каждой главе-фрагменте, из них состоит фильм. Доминантой становится известная мысль Солженицына о том, что Николай II дважды «просвистел» Россию. Упустил, проглядел, проиграл, не сумев создать сильный институт государственной власти.

Начав как бы с общих планов, со взгляда на мирную, богатую, великую страну, на кормилицу Европы, автор чрезвычайно тактично переходит к основным линиям. Они постоянно пересекаются в фильме, как пересекались в действительности.

Эти пересечения в судьбе Столыпина. В судьбе царя и его семьи. В фигуре Ленина.

В адрес картины уже раздаются упреки: дескать, все это мы уже знали и ничего нового нам не сказано. Разумеется, знали, наша гласность, к сожалению, в основном обращена к прошлому, чтобы помягче обойти настоящее. И все-таки далеко не все мы еще знаем. Доказал это Говорухин — найденными им документами, что хранились за семью печатами цеховскими черчерами; крупными планами редких фотографий — чего стоит только снимок Ленина незадолго до смерти; фактами, которые когда-то были продуманно утаены; цифрами, до сих пор фальсифицированными и предьявленными Говорухиным как счет Системе... Пусть даже и нет ничего исключительного в рассказе о Столыпине. Но в контексте, в сопоставлениях его образ становится полнее, его тактика и стратегия ближе, в

чем-то — актуальнее, как ни затаскано это слово.

В потоке ныне снятых лент редко когда найдется такая, которая имеет конкретный адрес, обращается к определенной аудитории. Да и стесняются у нас художники адресоваться к тем, к кому устремлена картина Говорухина. Даже если он сам не говорил бы о том, что его фильм создан, чтобы «провести по лабиринту истории» широкие массы, особенно тех, кто еще способен бороться за идеи демократии, но не в современном их истолковании и реализации, его позиция ясна и конкретна.

Уроки истории редко, к сожалению, становились и становятся настоящими уроками. Люди ведут себя подобно школьникам — услышать и забыть, не ведая, что, быть может, им самим придется пройти сквозь такие горнила. Наверное, мы не лучше других. Но что-то в этом фильме зацепится в памяти, оцарапает надолго. И если уж говорить о конкретном влиянии ленты Говорухина, то в наше переходное, странное и страшное время она подкашивает: у нас есть шанс стать гражданами. Очень маленький, подобный слабому огоньку гаснущей свечи, что готов всякую минуту в последний раз вспыхнуть и умереть. Шанс этот в том, чтобы осознать потери и утраченные возможности. Причины этих утрат.

Многие сейчас говорят об этом, пишут, снимают фильмы. Но — редко! — с такой искренностью и эмоциональной полнотой, как Станислав Говорухин.

Э. ЛЫНДИНА.